

К. И. ЛОГАЧЕВ

К ВОПРОСУ О ТОМ, КТО БЫЛ ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО АЛФАВИТА

В первом номере «Советского славяноведения» за 1976 г. опубликована статья А. С. Львова «О записи про Константина-Кирилла философа в календаре Остромирова евангелия». Поскольку статья посвящена очень важному вопросу о том, кто был изобретателем первоначального славянского алфавита, кажется уместным сказать два слова по поводу ее основных положений, тем более, что А. С. Львов высказал заинтересованность в обсуждении своих выводов.

Главный тезис, выдвинутый А. С. Львовым в его статье, сводится к следующему. Изобретателем первоначального славянского алфавита (а также и создателем самого первого перевода на славянский язык с использованием этого алфавита) был Мефодий, связь же изобретения этого алфавита (и первого опыта использования его для перевода на славянский язык) с именем Кирилла — результат своего рода дезинформации, предпринятой Мефодием с целью защитить дело распространения славянской письменности от нападок немецкого духовенства.

А. С. Львов, ничего не говоря о том, что до него мнение о Мефодии как единственном изобретателе первоначального славянского алфавита уже высказывалось, ссылается как на решающее доказательство своего тезиса на запись о Константине-Кирилле в Остромировом евангелии. По мнению А. С. Львова, эта запись сделана в Моравии в период между смертью Кирилла и смертью Мефодия (т. е. до 885 г.).

Целый ряд фактов заставляет усомниться в правильности мнения А. С. Львова относительно этой записи и тем самым в правильности его главного тезиса.

Прежде всего следует сказать следующее: А. С. Львов необоснованно считает (стр. 88), что греческий текст, приведенный А. Х. Востоковым в его издании Остромирова евангелия, является оригиналом для текста этого славянского памятника. Греческий текст в издании А. Х. Востокова является на самом деле — и этого не скрывал издатель — искусственным, текстом, взятым из печатных изданий XVIII—XIX вв. и подогнанным под славянский текст. Естественно, что все выводы на стр. 88, основанные на сравнении текста Остромирова евангелия с искусственным греческим текстом, достоверными быть не могут.

Далее, А. С. Львов, как показывает начало его статьи, путает две принципиально разные вещи: месяцеслов (куда вносились имена тех лиц, память которых праздновалась) и диптих (куда вносились имена лиц, которые поминались). Не всяким и не во всякий диптих могло быть внесено имя «известного церковного деятеля» сразу же после кончины последнего.

Тем более не просто обстояло дело с внесением чьего-либо имени в месяцеслов церковных праздников. Уже давно указывалось, что считать кого-либо из умерших святым совсем еще не значит праздновать его память. Для празднования памяти какого-либо лица требовалась его канонизация, а это предусматривало создание в его честь специальных песнопений и т. п. При этом для празднования своей памяти канонизирован должен был быть и тот, кого именовали *ἀγιος* и тот, кого именовали *δσιος*.

Поскольку в Остромировом евангелии находится не диптих, а месяцеслов, анализировать разбираемую А. С. Львовым запись можно лишь исходя из того, что ее оригинал появился после канонизации Константина-Кирилла.

А. С. Львов не упоминает ни одной работы, посвященной вопросу о времени и обстоятельствах этой канонизации. Но обратиться к этим работам следовало бы не только потому, что в них уже высказывалось мнение (предложенное А. С. Львовым как новое) об очень ранней канонизации Кирилла, но и потому, что из этих работ ясно видно отсутствие каких-либо точных данных о времени и месте его канонизации. Можно лишь предполагать, что доканонизационное почитание Кирилла, которое вело к его канонизации, началось в Риме.

Было бы, разумеется, неверным утверждать, что в принципе недопустимо строить выводы о времени и месте канонизации Кирилла на основании языкового анализа записей о нем в месяцесловах, т. е. делать то, что делает А. С. Львов. Но языковой анализ записи в Остромировом евангелии, проведенный А. С. Львовым, кажется недостаточно корректным в том смысле, что А. С. Львов исключает все другие возможности объяснения языковых особенностей этой записи.

А. С. Львов считает стяженную форму на *-аго* моравизмом. Но ведь форму на *-аго* можно рассматривать и как русизм. Далее, А. С. Львов считает, что «*нареченаго въ чръньчство*» — это моравская конструкция с местным смыслом. Но ведь есть другое объяснение сущности этого словосочетания. Допустимо думать, что «*въ* + вин. пад.» употреблено в рассматриваемой записи с естественным *направительным* смыслом, потому что *нареченаго* можно считать здесь связанным по смыслу с направлением. Ведь вступление в монашество предполагало обязательное изменение имени, причем практически одновременно с принятием монашеского звания. Значит, ничто не препятствовало аттракции *словом нареченаго* направительного смысла. Наконец, А. С. Львов считает моравизмом *чръньчство*. Но ведь если это слово и не является ни в коем случае болгаризмом, совсем не значит, что оно обязательно должно быть моравизмом.

Помимо того, что говорилось выше, следует сказать еще о двух обстоятельствах, которые не позволяют согласиться с выводами А. С. Львова относительно записи с именем Константина-Кирилла в Остромировом евангелии.

1. Месяцеслов Остромирова евангелия в целом не может принадлежать к числу кирилло-мефодиевских памятников или их списков. Давно было отмечено, что здесь встречаются грубейшие ошибки в передаче греческих слов на славянский язык, ошибки, немыслимые для Кирилла и Мефодия, владевших греческим языком как родным и тесно связанных с Константинополем.

2. Общеизвестно, что необычайно разнообразные месяцесловы древнейших славянских рукописей до сих пор никак не систематизированы и не «привязаны» к определенным местностям. Поэтому все выводы относительно месяцесловных записей, особенно относительно их преднамеренного состава, не могут быть сколь-либо надежными, тем более если такие

выводы делаются на основе анализа записи вне связи с месяцесловом, взятым как целое, и без учета отношения данного месяцеслова к другим месяцесловам.

Нельзя не отметить также, что мнение А. С. Львова о наличии интерполяции в XIV главе Жития Кирилла никакими общими основаниями не увязывается с его мнением о моравском происхождении записи о Кирилле в Остромировом евангелии. Кстати, всегда заявление об интерполяции обязывает очень ко многому: надо, говоря о ней, попытаться хотя бы выдвинуть гипотезу о том, где, когда, кем и — главное — с какой целью интерполяция была сделана. Иначе ведь интерполяция предстает «немотивированной». Надо также, говоря об интерполяции, говорить о времени и авторстве изначального текста. Но обо всем этом в параграфах, посвященных предполагаемой интерполяции, А. С. Львов ничего не сказал.

Таким образом, в статье А. С. Львова, по-видимому, нет убедительных доказательств тезиса о том, что изобретателем первоначального славянского алфавита был Мефодий.